

функционирования библеизмов (их переосмысление, изменение семантики; расширение стилистического поля; стереотипное и творческое использование, особенности индивидуально-авторского употребления и нек. др.).

Вэй Вэй (Лоян, Китай)

БЕЛОРУСЫ ГЛАЗАМИ КИТАЙЦЕВ

Исследуя, каким образом концептуализируется образ Китая и китайцев в русскоязычной литературе Беларуси (материалом для исследования послужили 13 энциклопедических статей о Китае, научно-популярные работы специалистов-синологов В. Малявина, А. Маслова, В. Ульяненко, книги белорусских журналистов И. Плескачевской, М. Шиманского, а также книга статей публициста И. Малевича, книга В.В. Ульяненко «Китайская цивилизация как она есть», М., АСТ :Восток – Запад, 2005), интересно выяснить, какими видят китайцы Беларусь и белорусов.

Сложившиеся на сегодняшний день дружественные отношения Беларуси с Китайской Народной Республикой расширили для людей обеих стран возможности знакомства друг с другом и появления определенного представления друг о друге. Это проявления своеобразной народной дипломатии, которая имеет ряд преимуществ по сравнению с дипломатией официальной. Это та форма общения, посредством которой народы проявляют свои чувства намного шире и глубже, чем позволяет регламентированный язык дипломатов, говорят без всяких преград, искренне. А именно искренность больше всего скрепляет сотрудничество. Одним из каналов реализации народной дипломатии стало общество «Беларусь-Китай» (http://www.belaruschina.by/ru/belarus_china/friendship/belarus_china.html), которое было создано в 1960 году в составе Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Основной целью деятельности общества является укрепление двусторонних связей между общественностью РБ и КНР; углубление знаний белорусов о достижениях китайского народа в области культуры, науки, экономики, образования; популяризация белорусской культуры в Китае, а также налаживание обратных связей.

О Беларуси у китайцев имеется немного меньше сведений. В лучшем случае, по данным наших наблюдений, они ограничиваются словами *Беларусь, Минск, Лукашенко*.

Традиционно закрепленный за белорусами признак ‘*толерантный*’ в китайском обыденном сознании, скорее, понимается не как ‘*терпимый к другим народам*’, а как ‘*безразличный к иностранцам*’.

С определенным скепсисом китайцы воспринимают утверждения о том, что трудолюбие является исконной чертой национального характера россиян и белорусов. Напротив, для китайцев отличительными чертами россиян являются склонность к лени и праздной жизни, нежелание много и добросовестно трудиться, склонность к постоянному откладыванию выполнения порученных дел и переносу дел «на завтра», тяга к частым перерывам в работе, неготовность своевременно выполнять обещания, в том числе связанные с выполнением трудовых обязательств и поручений. Все это, по мнению китайцев, противоречит самой сути понятия *трудолюбие*. В то же время почти все китайцы, контактирующие с россиянами и белорусами, согласны с тем, что для данных народов характерны такие черты, как *добродушие, гостеприимство, отзывчивость, душевная искренность и открытость, щедрость, готовность к состраданию и сопереживанию, равнодушие к чужому горю и бедам*.

Что же касается самих образов России и Беларуси, существующих в национальном сознании китайцев, то они во многом совпадают. Это происходит по двум причинам: во-первых, для многих китайцев Беларусь воспринимается как часть или продолжение России, а во-вторых, китайцы не видят принципиальной разницы между россиянами и белорусами ни в чертах характера, ни в стиле жизни, ни в манерах поведения. Исключение, пожалуй, составляет лишь один признак, который выгодно отличает Беларусь от России. Это страна воспринимается китайцами позитивно во многих смыслах, что отражается в китайском языке специальными дескрипторами – *спокойная страна, чистая страна, гостеприимная страна, страна порядка и дисциплины, страна для народа, страна добрых и отзывчивых людей*.

К числу отрицательных компонентов образа Беларуси китайцы относят низкие темпы экономического развития страны, нежелание белорусов реформировать свою экономику и открывать страну миру, отсутствие деловой предприимчивости, неумение вести бизнес и др. В то же время многие китайцы реально оценивают трудности и угрозы, с которыми может столкнуться Беларусь в случае полного открытия страны для мирового капитала. В этом случае она может частично или полностью потерять свой суверенитет, а со временем и свою самобытность и национальную идентичность.

Обычно применительно к россиянам, а значит, и к белорусам (первых значительно больше в Китае; китайцы не видят разницы между россиянами и белорусами, так как слышат, что они все говорят на русском языке) китайцы используют несколько номинаций. Наиболее распространенной из них является номинация *лаомаоцзы* ‘волосатики’, что отражает одну из черт внешнего вида россиян и белорусов – обилие волосяного покрова на голове, лице и теле. К числу других номинаций, также отражающих черты их внешнего облика, относятся слова *большеглазые, большеносые, светловолосые*. Так, например, большеносыми (кит. *дабицзы*)

китайцы называют потому, что подавляющее большинство коренного населения Китая, в отличие от россиян или белорусов, имеют маленькие, приплюснутые носы с очень низкой или практически отсутствующей переносицей. В последние годы применительно к россиянами белорусам стала использоваться новая номинация *лаовай*. Кроме значения «иностранец» слово *лаовай* означает «неумеха», «лох», «ничего не смыслящий в определенных вещах человек». Несмотря на такую коннотативную окраску слово *лаовай* не воспринимается китайцами как оскорбительное. По сути дела, подобного рода номинации отражают глубинное отношение китайцев к жителям других стран, которые всегда воспринимались китайцами варварами. В сознании китайцев их страна, занимая центральное положение на карте мира, с древних времен ассоциировалась с просвещением и цивилизацией, а жители периферийных стран олицетворяли непросвещенность и варварство. На формирование такого китаецентристского взгляда оказали сильное влияние географические факторы: китайская империя была ограничена с севера густыми лесами и неудобными пустынями, с востока и юго-запада – горами. Таким образом, все земли, с точки зрения китайцев пригодные для обитания цивилизованных людей, оказались заселенными китайцами. Для тех народов, что обитали на границах или вблизи границ Китая, были придуманы специальные иероглифы, означавшие «северные варвары», «южные варвары» и т. д. Квинтэссенцией отношения китайцев к иностранцам, и, в первую очередь, к европейцам выражена в распространенном среди китайцев изречении «сы чжи фа да, тоу нао цзянь дань», которая в переводе на русский язык означает *руки-ноги здоровые, а голова туповата*. Насчет «туповатости» иностранцев китайцы между собой могут рассуждать долго и с особым наслаждением. Их основным аргументом при этом является утверждение о Китае как родине всех важнейших изобретений человечества – компаса, пороха, бумаги. При этом не следует забывать о том, что современный Китай – наиболее динамично развивающаяся страна в мире, а феноменальные успехи Китая в экономике порождают у китайцев чувство гордости за свою страну, которая после долгого застоя стала экономически сильной державой. В то же время китайцы понимают, что к своим соседям надо относиться с уважением и почтением.

Мы согласны с выводами белорусских журналистов относительно того, что для китайцев доминирующим этноспецифическим качеством является уважительное и доброжелательное отношение к России/Беларуси и россиянам/белорусам. На наш взгляд, объясняется это двумя причинами: во-первых, высокой внутренней идеологизированностью китайцев, для которых россияне и белорусы – скорее, друзья, чем враги, в отличие, скажем, от японцев или американцев, которые в китайском обществе продолжают и поныне ассоциироваться с чужаками, а порой и врагами; во-вторых, пониманием того, что в современном мире Россия и россияне гораздо ближе по своим ценностным и политическим

ориентирам к Китаю и китайцам, нежели США или страны Западной Европы. Эта идея активно поддерживается не только на официальном государственном уровне, но и на уровне семейного воспитания, где, по нашему мнению, продолжает доминировать идея духовной близости Китая с Россией, передаваемая от старшего поколения детям.

Л. Ф. Гербик (Минск, Беларусь)

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: АКТОРЫ И ЦЕЛИ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Дипломатическая деятельность – это сложная семиотическая система, но в значительной степени это вербальная деятельность с ярко выраженной перформативной функцией. Для исследования дипломатического дискурса применяется дискурсивная матрица, в которой обязательными для изучения являются такие структурные позиции, как *участники* и *цели*; для полной характеристики дискурса, по В. И. Карасику, необходим также учет многих других компонентов. Современная публичная дипломатия является двухуровневой, т. е. реализуется на официальном (государственном) и неофициальном (общественном) уровнях, равно- и неравностатусной, многоканальной (*multitrack-diplomacy*). Рассмотрим, каким образом представлены названные структурные позиции дипломатического дискурса в современных коммуникативных практиках.

Вопрос о статусе коммуникантов традиционной государственной дипломатии решается на основе анализа текстов международных документов. Так, в Венской конвенции «О дипломатических сношениях» 1961 г. государства охарактеризованы как акторы дипломатии, коммуниканты в договорном процессе (*государства... договорились, согласились*). Для обозначения государства как актора дипломатии и коммуниканта в договорном процессе применен прием метонимии; договорный процесс осуществляется на основе системы представительства. Институциональные коммуниканты в классической, традиционной дипломатии уровня «государство – государство» могут быть индивидуальными, индивидуально-коллективными, коллективными; институциональное взаимодействие осуществляется, как правило, на основе равностатусности коммуникантов.

Вопрос о статусе коммуникантов публичной дипломатии не является столь же очевидным. Акторы публичной дипломатии могут быть как институциональными, так и социальными; адресант может быть представлен как индивидуальный, индивидуально-коллективный, коллективный; адресат во многих случаях – массовый, хотя возможны все указанные разновидности структурной позиции коммуниканта. Многообразие форм современной публичной дипломатии закреплено во множестве атрибутивных